

T-583

ЧУРЪ ЧЕПУХА,

ИЛИ

НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

Соч. Кирилла Моноли.

Издание Ивана Костякова.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ

. 1844.

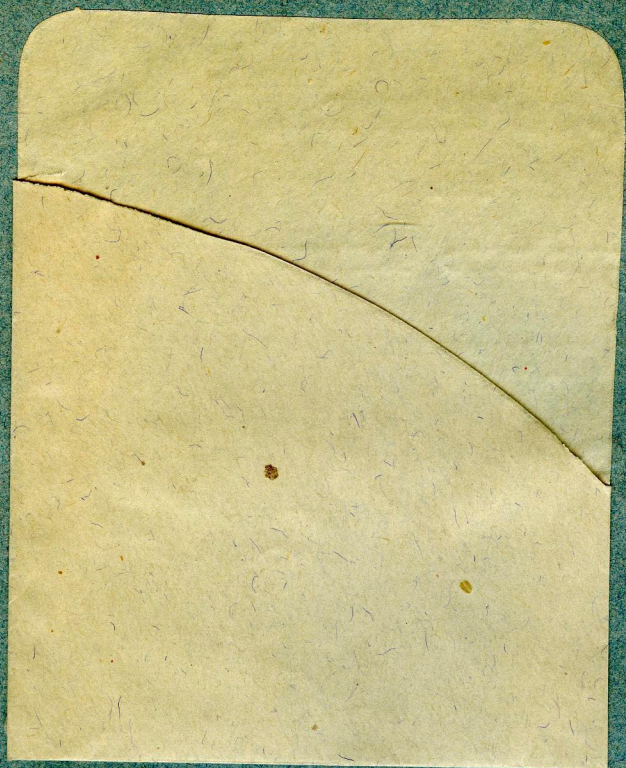
X 4

Ціна 5 рублѣй ассигнац.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00801105 9

T-58322

ЧУРЬ-ЧЕПУХА,

ИЛИ

НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ УКРАИНСКАГО ПАИСТВА.

Соч. Кирилла Моголи.

=

Изданіе Ивана Костякова.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
№ 580158

КАЗАНЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

545

=

1844.

БІБЛІОТЕКА
Українського Інституту
МАРКОВИЧ-ЧУ
№ 3874

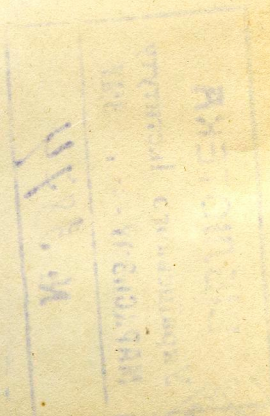
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
№ 512645

с
1933

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи пред-
ставлено было въ ценсурный Комитетъ узаконенное число экзе-
мпляровъ. Москва, 1-го Апрѣля 1843 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ВСЕПОЧТЕННѢЙШАЯ ПУБЛИКА!

Послѣ пьесы Чаръ, я представляю на благо-
усмотрѣніе Чепуху. Основаніе ея взято изъ
самобытности предметовъ Украинскихъ. Не
льщу себя надеждою, занять вниманіе этою
пьесою и получить отзывъ такой, какой о
Чарахъ имѣлъ; потому что произшествіе въ
Чепухѣ, какъ изъ названія и сущности зна-
чится, считалось и въ Украинѣ пустяками,
или какъ Швабренко сказалъ: « Чепуха! »

Разговоръ и пѣсни я удержалъ, какъ въ са-
момъ дѣлѣ были, или не иначе могло быть
въ народности дѣйствующихъ лицъ. Было
произшествіе — и столкнулись въ немъ дру-
гіе факты, которыхъ я былъ почти очевид-
цемъ, живши на родинѣ. Конечно, время,
уносящее съ собою всѣ дѣла и мысли чело-
вѣческія, да и самыхъ людей въ забытіе,

МНОГО ИЗМѢНИЛО МНѢ ВЪ ПАМЯТѢ. НЫНѢЧЕ НЕ
ТАКЪ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ МОЕМЪ РОДНОМЪ ГОРОДѢ?
ДА И САМЪ ГОРОДЪ, КАКЪ ГОВОРЯТЪ, УЖЕ ПЕРЕИ-
МЕНОВАНЪ ИЗЪ ЗАШТАТНАГО ВЪ УѢЗДНЫЙ? —
ТОГДАЖЕ КОГДА Я БЫЛЪ ТАМЪ, КВАРТАЛЬНЫЙ
ВЪ ГОРОДѢ СЧИТАЛСЯ ВСЕ И ВСЯ ПО ИСПОЛНИТЕЛЬ-
НОСТИ; А СУДНАЯ ЧАСТЬ, НАХОДЯСЬ ВЪ ВЪДЕНІИ
ГОРОДОВОЙ РАТУШИ, ГДѢ, ПО СМІРЕНСТВУ И ПРО-
СТОТѢ ЧЛЕНОВЪ МѢЩАНЪ, СЕКРЕТАРЬ БЫЛЪ ОДНО-
ТОЖЕСТВЕНЪ ВО ВЛАСТИ СЪ КВАРТАЛЬНЫМЪ. —

ЕСЛИ СВЕРХЪ ОЖИДАНИЯ МОЕГО, И ЧЕПУХА ВЪ
ПУБЛИКѢ ПОРОВНЯЕТСЯ СЪ ЧАРАМИ, ПОСЛѢ ВЫХО-
ДА КОТОРЫХЪ, МЕНЯ ПРИГЛАШАЛИ ПИСАТЬ—; ТО,
ИМѢЯ ВЪ ТЕТРАДЯХЪ И ВЪ ПРИГОТОВЛЕНІИ МАТЕ-
РИАЛЫ, ПОСТАРАЮСЬ ПОЗАБАВИТЬ ЕЩЕ РАЗНЫМИ
СПЕНАМИ НАРОДНОСТИ МАЛОРОССІЙСКОЙ И ВЕЛИКО-
РОССІЙСКОЙ, БЕЗЪ ПРЕТЕНЗІИ НА АВТОРИТЕТЪ. —

Всепочтеннѣйшая Публика!

Къ услугамъ.

Кирилль Моноли.

ЧУРЬ-ЧЕПУХА.

Малороссійская загадка.

Бѣгла чичитка
Изъ перелѣска;
Выйшовъ чечикъ,
Кинувъ мечикъ.—

ЛІТНИЙ-ДІВІЙ

О Панство ! Се въ лицедѣйствіи кунштыки
житія вашего! —

ХРОНОЛОГІЯ

ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

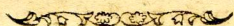
	При- мѣр- ные лѣта.
РАХЛІЙ ДАНИЛОВИЧЪ ЮХИМОВСКІЙ, Секретарь городовой Ратуши и исправляющій должность Квар- тальнаго въ городѣ.	70
ФРАНЦЪ ВИКЕНТИЕВИЧЪ КОЛЛЕНЪ, Метръ Фран- цузскаго языка при Базилянскомъ училищѣ и другъ Юхимовскаго.	50
ГЛИКЕРІЯ АБРОСИМОВНА ТУПТАЛОВА, вдова покой- наго Квартальнаго Евстрата Павловича.	43
ВѢРА ПЕТРОВНА ГОРЕНКОВА, воспитанница покой- наго Квартальнаго.	16
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕВЕЛЬСКІЙ, Письмо- водитель при Квартальномъ.	20
ДЕНИСЪ ДЕМЕНТИЕВИЧЪ ШВАБРЕНКО, Повитчикъ въ Ратушѣ и любимецъ Секретаря.	30
ЕВТИХІЙ ПАПИЛИЧЪ ПАНУША.	40
ДЕМЕНТІЙ ПРОКОФЬИЧЪ ШМАНАЙ.	33
КУЗЬМА ПИТЮЛЬКА.	19
ГАВРИЛО БАЛАБАШЪ.	23
ФЕДОРЪ ЦЮЦЮРА.	22
ВАСИЛІЙ СЕКСТЕРНСКІЙ.	20
Сторожа: ГАРБУЗЪ, БРЮКВА и КОВШЪ. ПАНЫ — ШЛЯХТА:	
ТЕОБАЛЬДЪ ШТАБЕЛЬ, старый холостякъ.	50
РОЗАЛІЯ ШНАПШИНСКАЯ, вдова и дальняя род- ственница Штабелю.	43
Дочь ея: Пани ДОРОТЕА.	23
ТОМАШЪ БЫЧИНСКІЙ.	33
КОРВИТА пани, жена его.	50
Дети ихъ: панна ЛЮДВИГА.	28
паничъ ЯСЬ.	26
ЛЕВЪ СВИНЦИЦКІЙ.	60
СИЛЬВІЯ пани, жена его.	50
Дети ихъ: паничъ ВИЦЕНТІЙ.	30
панна ТЕРЕЗА.	27

Капцелярскіе
въ Ратушѣ.

КОНРАДЪ ТШИМАНСКІЙ, вдовъ.	58
Дѣти его паничи: БОНЕФАЦІЙ.	28
КАЗИМИРЪ.	26
и ЛЮДВИГЪ.	24
ЯНЪ ЛЕВИЦКІЙ.	48
ЛЕОНТИНА пани, жена его.	45
Дѣти ихъ паничи: ЖАНЕТА.	22
АГАТА.	20
ДОМНИКА ПЕТАВСКАЯ, вдова.	40
Дочь ея: ВАРВАРА ПАВЛОВНА, пріятельница Вѣры.	18
ЛЕВОНТІЙ ДАНИЛОВИЧЪ ЮХИМОВСКІЙ, братъ Секретаря и возный шляхетскій.	45
ЛЮЦИЛА, жена его.	40
Дѣти ихъ (кромя другихъ): ЛЕНАРІЙ.	22
ЮЗЕФИНА.	20
ЧЛЕНЫ РАТУШИ:	
ФЕДОРЪ ЯКИМОВИЧЪ МЯМЛЕНКО, Бургомистръ.	48
МИНА ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЯКИШЪ.	37
МОШКО, съ жидовской стороны.	50
ДЕМЕНТІЙ КУЗЬМИЧЪ МАРАКУЕНКО, Дума въ городѣ.	40
Мѣщане, гуляющіе въ	36
Пижъ.	30
Цапъ.	38
Гапликъ.	35
Лобода.	34
Чупрунъ.	40
Ковинька.	
Гершки съ членами:	
ГЕРШКО ХАЙЛОВИЧЪ, факторъ и корчмаръ въ городѣ, съ своимъ семействомъ.	30
МАРИНА, служанка Секретаря Юхимовскаго, дѣвка.	18
Прислуга Тупталовой:	
МАРУШКА, горничная.	35
ДОМАХА, женщина.	40
ОХРИМЪ, мужъ ея и дворникъ въ домѣ.	
ЖИДОВСКАЯ МУЗЫКА, около десятка человекъ.	
РАЗНЫЕ ПРОСИТЕЛИ изъ мѣщанъ въ городѣ.—	

ФАКТЪ 1.

Происходитъ въ домѣ Рахлія Даниловича Пана Юхимовскаго.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ПАНЪ ЮХИМОВСКІЙ.

Одинъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ за столомъ и разсматривалъ бумаги. Послѣ чего, скинулъ очки, посчелкалъ по табакеркѣ и понюхалъ табачку.

*Ачхи! . . . Deus pro nobis! . . . Ачхи! . . . Vanitas vanitatis et omnia vanitas! . . . Ачхи! . . . Суетенъ и многотрудный вѣкъ человѣческій! . . . А все для чего? . . . (опять понюхалъ табачку.) — Казусныя дѣла! . . — Швабрен-
1.*

ко калькулятивно пишеть Совершенно по моей доктринаріи . . . Имѣетъ постигнове-
ніе и въ кавичкахъ! . . . Да и вся моя кан-
целярія досконально наедукованна! . . (полю-
халъ табачку.) Охъ, тень Невельскій! . . Да
гдѣжъ онъ учился? . . Linguam latinam nihil
dicere! . . Veto! — Не позволю грѣхопаденія въ
письмоводствѣ! . . . (началъ ходитъ по ком-
натъ) — Развѣ моральность ничего не зна-
читься? . . . (Остановился у окошка, погля-
дѣлъ на окрестность и потомъ опять сталъ
расхаживать.) — O tempora! o mores! . . . —
Понюхать контребуціи? . . . (Остановился—
и нюхаетъ табакъ.) Ачхи! . . Да . . . Да . . . —

(Поетъ съ растановкой):

Распрекраснѣйши поля,
Вы плѣваете меня!

Тра — та — та — та — та.
Когда взоръ свой обрашу,
Всѣ пріятности сышу!

Тра — та и т. д.
Ненаглядный вашъ мнѣ пвѣтъ,
Даетъ старости привѣтъ!

Тра — та и т. д.

Но прекраснѣйше мнѣ васъ,
Естьли есть миленька въ насъ? . . .
Тра — та и т. д.

(Замокъ. Потомъ посчелкалъ по табакеркѣ
и понюхалъ табачку.) Ачхи! . . . Ачхи! . .
Ачхи! . . . Не съ чемерицею ли? . . . Слѣ-
дуетъ перемѣнить! . . . —

ЯВЛЕНІЕ 2.

Входитъ въ юрницу Францъ Викентіевичъ.

(толстый) МЕТРЪ КОЛЛЕНЪ.

Vivat Domine Юхимовскій! — Bon jour Па-
не! . . . Ухъ! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Ago gratias Метру! Не такъ Панъ сказалъ:—
Bonus vesper est! . . . — Ежеминутно панъ
Метръ толстѣетъ. . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Моя многа кушалъ Ухъ! . . . —
Quid quidem cantavit?

ЮХИМОВСКІЙ.

Amicissimum meum cantum! — Моего сочи-
неньца. . . . —

КОЛЛЕНЪ.

А мне кети нрафися, тахъ ессе:

(Поетъ)

Черезъ рѣску хлопъ, хлопъ;
Нема мафо серцу:
Хлыцу, хлыцу — не шуе;
Нѣхай съ зябломъ пошуе! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Non, non пане Метръ! . . . — Ех г҃. этаа
пѣсенька въ нашемъ городѣ спѣвается:

(Поетъ)

Черезъ рѣчку кладочка;
Нема мого сердечка:
Кличу, кличу — не чуе;
Съ кѣмъ бѣднее почуе? —

КОЛЛЕНЪ.

Satis, satis bene mi Domine!—Кафорять: «спѣ-

«ацъ дармо , полицъ гарло». — А шо Вашпанъ, кети безешъ у пани Тупталовой?

ЮХИМОВСКІЙ.

Hodierno бывамъ. Досконально есть miserrima et infelicissima vidua! (*Подходитъ къ дверямъ и кричитъ въ кухню*) Марино, Марино! ходи лешень сюды!

КОЛЛЕНЬ.

Memini tuam operam! Вашпанъ habet causam . . . Тфой претентуеше на Фъру; а мой, мой памянтамъ? . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Ita, ita мосципане Метръ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

*Приходятъ въ горницу служанка Марина и
Повытчикъ Денисъ Швабренко.*

МАРИНА.

Що Паночку скажете?

ЮХИМОВСКІЙ.

Дай намъ Марино, що небудь выпить и закусить! Та скорѣйше!

(Марина стала готовить на столъ водку и закуску; а Швабренко, остановившись у порога, кланялся Секретарю съ ужимками подчиненности и кашлялъ.)

Що скажешъ пане Швабренку?

ШВАБРЕНКО.

Кахи—Ни чого Рахлій Даниловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Не значиться ли чого новенькаго? *(Расхаживая по комнатъ. А Метръ Колленъ, между тѣмъ, посматривалъ на приготовляемую водку и закуску.)*

ШВАБРЕНКО.

Всѣ канцелярскіе въ благонадежной исправности. Невельскій кажетъ, що дѣло объ Штабелевой коровѣ, долженствуетъ находится въ производствѣ у него? —

ЮХИМОВСКІЙ.

Скажи ему именемъ моимъ, що теперь Рахлій Даниловичъ Квартальнымъ; а не Евстратъ Павловичъ! . . . (*къ служанкѣ*) Марино, насыпь минѣ свѣженькаго табачку! — (*Къ Коллену*) Панъ Метръ, проша вудечки! — (*Наливаетъ самъ въ рюмку и потちиваетъ себя и Коллена.*) — «Минулась коту масляница — насталъ великій постъ! . . — Я свою канцелярію по лучше имѣю! . . . — Stupidus хлопъ!

КОЛЛЕНЪ. (*Выпилъ рюмку и закусывалъ*):

Моя самъ испытаемъ, якъ смерше хлопъ! —

ШВАБРЕНКО.

Оказывается вечерами у пани Гликеріи Абросимовны. —

КОЛЛЕНЪ.

Quis? — Невельскій? . . . — Моя тамъ до ноши быфаетъ; а не высылемъ ефо. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Nescis пане Метръ! — Невельскій имѣетъ

соизволеніе на панну Вѣру Петровну ! . . .
(Въ это время служанка принесла табакъ
свѣжаго и подала Секретарю. Который по-
счелкалъ по табакеркѣ, попотчивалъ Коллена
и Швабреньку, да и самъ попотхалъ.) Ахъ,
ахъ, ахъ!

ШВАБРЕНКО.

Имѣю честь здравствовать Рахлѣй Данило-
вичъ! Ваша правда! —

КОЛЛЕНЪ. (Пухая табакъ:)

А А! Моя тумалъ, шо тенъ
штукъ А, а, а, ухъ!

ЮХИМОВСКІЙ. (Къ Швабреньку:)

Скажи Невольскому, шо ту тѣ благонадеж-
нѣйши выды обрѣтаются и . . . и . . . мо-
гущественнѣйша оказія.

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Ваше приказаніе Рахлѣй Данило-
вичъ, и съ пунктуальною аккуратностію ис-
полню Вашу милостивую резолюцію.—

ЮХИМОВСКІЙ.

Выпій Швабренко рюмку водки! (*Къ Коллену.*) Пане Метръ — « Repetitia est mater studiorum » — проша!

(*Пьютъ опять по рюмкѣ и потчиваютъ Швабренка.*)

КОЛЛЕНЪ.

Мой ни кахта не откашися отъ ʒипъ, пей и феселись, «post mortem nulla voluptas» какъ мусье Эпикуръ скашаль. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Метръ пенькне знае философію. (*Къ Швабренку.*) А що, не находится ли дѣлъ, требующихъ скорѣйшаго исполненія?

ШВАБРЕНКО.

Завтрешній день табель. Не прикажетели Рахлій Даниловичъ буты канцелярскимъ на молебствіи?

ЮХИМОВСКІЙ.

Якъ же! безиремѣнно! пунктуально! —

(Къ служанкѣ). Чуешь Марино! завтра табель: такъ приготовь мнѣ кафтанъ праздничный, трехъуголку и шпагу!

МАРИНА.

Чую Паночку. Къ бабелю той каштанъ, що зъ ясными гузиками, и угловатый брыль; а шаблю не сказаты жъ Брюквѣ выяснить?

ЮХИМОВСКІЙ. *(Смѣется съ Колленомъ и Швабренкомъ надъ произношеніемъ служанки.)*

Эге, эге Марино! *(Служанка ушла въ кладовую)*. Повиновительная и услужливая дѣвка, даромъ що не эдукованнаго мужицкаго роду!—

ШВАБРЕНКО. *(Откликиваясь:)*

Не прикажите ли Рахлій Даниловичъ еще чего? *кахи, кахи!*

ЮХИМОВСКІЙ.

Зачекай! вышіемы еще вудечки!—*(Къ Коллену)*. Проша пане Метръ! Проша Швабренку!

(При чемъ попили табачку, и стали пить и закусывать. Швабренко, какъ подчиненный)

передъ Начальникомъ, съ ужимками наблюдавъ почитительность.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Отворяется дверь и являются по одиначкѣ паны—Шляхта: Теобальдъ Штабель, Томашъ Бычинскій, Левъ Свиницкій, Конрадъ Тишмавскій и Янъ Левицкій. (Въ разговоръ во всякого изъ нихъ свои привычки и недостатки).

ШТАБЕЛЬ. (Заикается).

И—и—и—и—и падамъ до ногъ Ве—вельможный Се—секретаржу!

ЮХИМОВСКІЙ.

Проша, проша пане Штабелю!

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—наше жице Вельможному!

ЮХИМОВСКІЙ.

Дзенькуе пане Бычинскій!

СВИНЦИЦКІЙ.

Сс—сѣ Вацпаномъ Панъ Богъ!

ТШИМАВСКІЙ.

И пши—пши господъ его!

ЮХИМОВСКІЙ.

Веле милосци Панове!

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Проша Панове, проша! Sedeates Domini!

*(Шлхти поздоровались съ Коллепомъ
и съ Швабренкомъ поспѣли.)*

Цо Панство доброго скаже?

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и—нѣ—хъ А—ассанъ не взыще . .

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—цо до Вельможного безъ велькей претензіи пшишли.

тшима́вскій.

Наше дѣло тши—тшиматься за Ассана...

леви́цкій.

На вѣки вѣковъ! . . .

штабелѣ.

И—и—и—о—о пшепа́длей муй коровѣ . .

свинци́цкій.

Св—свелькего кошту на малы́й

тшима́вскій.

Не тшима нашихъ дѣтокъ! . . .

леви́цкій.

На вѣки вѣковъ.

бычи́нскій.

Млоды—глупи—мм—не безъ шалости!

юхи́мовскій.

А! Понимамъ Васъ Панство! Вы хотите поконтентовать позевъ? Но якъ же то можно Панове?—Юшъ дѣло пишиготовлено—и пойде

до Исправника, альбо до Пана Маршалка! . .
— Вудечки Панство! проша! . . . —

ШЛЯХТА. (Кланяясь).

Дзенькуе Вельможному!

(Нѣкоторые изъ нихъ стали пить водку и закусывать; разговаривалъ особо то съ Коленомъ, то съ Швабренкомъ).

ШТАБЕЛЬ.

А—а—але то Вельможный Се—кретаржу:
мо—я то бѣда, «цо съ—воза упadlo, то—
нѣхъ собѣ пше — пшепадо».

ТШИМАВСКІЙ.

Хто млodый не бывалъ, и грѣхи не тши-
малъ! мое дѣло тшимавское пш . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Панове! Гжехи тшимаць, не барзо добже
живаць!

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ гонороваць . . . —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм — Моспане Секретаржу! кеди бѣда
трафилася съ дѣтками нашими, то мм — мы
Ассана поконтентуемъ: на пшикладъ, я даруе
Вельможному годовалаго и доброго бычка!
(Къ товарищамъ) Вы Панове цо?

СВИНЦИЦКІЙ.

Сс — свинку добру.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ — млочну козу.

ТШИМАВСКІЙ.

Пш — пшимѣрно по Тшимавскій, мѣшокъ
мучки петлевой.

ШТАБЕЛЬ.

И — и — и пѣтуха — не — немлодего, и — и не-
старого.

КОЛЛЕНЪ.

И to satis bene!

ЮХИМОВСКІЙ.

Дзенкуе Панамъ за веле милосци. Проша

Панове, запіємы могоричъ! (*Сталъ угощать Шляхтичей. А потомъ поручилъ Швабренку, принести къ нему дѣло о коровѣ и заняться полученіемъ подарковъ отъ Шляхтичей.*) Денисъ Дементіевичъ, завтра на гулянкахъ принеси дѣло о коровѣ пана Штабеля и доставь ко мнѣ пунктуально обѣщаньице Пановъ!

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Рахлій Даниловичъ! (*Кланяясь и покашливая*). Кахи, Прикажете минѣ ити?

ЮХИМОВСКІЙ

Погоди! выпій еще рюмку!

ШВАБРЕНКО.

Много, кахи, милостию Вашею Рахлій Даниловичъ доволенъ. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Rogamus Domine Метръ! проша Панове безъ амбицій! . . . — Якъ же то Панство, мензе собо въ тень тяжбѣ поконтиентовались?

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и безъ абсолю—лютности. У мене
есть род—ственица Доротея, ктура—не мае
род—зицелевъ и—и—и собирае бенке—ты съ
—паничевъ и—и—и панныъ —

КОЛЕНЪ.

Ita est! — И муи dulcissimi наифки пше-
падію!

ЮХИМОВСКІЙ.

Досконально, що и пчелки мои не минуе
техъ рукъ. Но теди велькій чловѣкъ бымесь
у городу панъ Тупталовъ!

ТШИМАВСКІЙ.

Пш—пшекляты гультаи . . . —

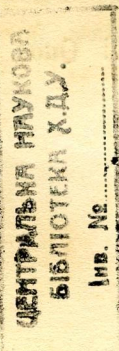
ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ . . . —

БЫЧИНСКІЙ. (Запѣвъ съ Свинцицимъ.)

Рѣзавъ батько сою,
Рѣзала маты сою,
Рѣзали дѣти — ;

2.

А вже сои не лѣтѣти!

Гей соя, гей!

Мм . . . Варивъ батько сою,

Варила маты сою,

Варили дѣти — ;

А вже сои не лѣтѣти!

Гей соя, гей!

Вечеравъ батько сою,

Вечерала маты сою,

Вечерали дѣти — ;

А вже сои не лѣтѣти!

Гей соя, гей! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Досиць Панове, досиць!

ТШИМАВСКІЙ.

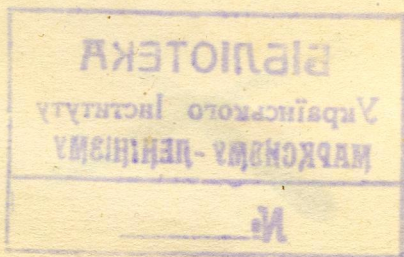
Пш — пшиберемъ къ ренкамъ гульвисовъ
дятокъ — пшитшимаемъ! . . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Malum pacem , quod vestrum bellum ! Quod vero
amicissima vestra fiet jucundior!

ШТАБЕЛЪ. *(И проче.)*

И—и—и такъ Вельможный! Ассанъ вель-
кой эрудиціи!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Съ важностію понюхалъ
табаку и попотчевалъ
Коллена и прочитъ).*

Якъ Пана Бога кохамъ, цо техъ Тунтало-
выхъ тысонцы за поясъ заткнулъ бы се?

ШЛЯХТА.

То кольвекъ того не знае! . . . Ассанъ въ
кляшторѣ учился! . . . А унѣ гздѣ? . . . —
Москаль не веле, не мале . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Ille mortuus est! Панъ Богъ съ нимъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Со вздохомъ.)*

Pro mortui aut bene, aut male! —

Але то я не злой чловѣкъ—добромъ поп-
лацѣ покойнику . . . — Панове, проша еще
вудечки! . . . — *(Подходитъ къ овери и
зоветъ служанку).* Марино, Марино! приго-
товъ минѣ одѣваться! —

ШЛЯХТА. *(Выпили по рюмки и закусили. начали откланиваться Секретарю).*

Дзеньгуе Ясневельможному за веле ласки
и милости! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ это время принесла служанка сертукъ
форменный.

МАРИНА.

Паночку! оцей надѣните жупанокъ?

ЮХИМОВСКІЙ.

Эге, эге! *(Сталъ одѣваться и прихораши-
ваться передъ зеркаломъ).*

КОЛЕНЪ.

Еще Dominus Юхимовскій млоденъ—мло-
домъ кашине! . . — Tempus eandi Domine! . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Охъ! Vanitas vanitatis et omnia vanitas! Хвала
Пану Богу, прожилемъ се съ покойницею Жа-

нетої тшидесьце лять! Дзисый еще пожіе-
мы. . . . — Такъ Швабренку?

ШВАБРЕНКО.

Кахи! Якъ Вашей милости Рахлій Данило-
вичъ угодно! — *Кахи!* Прикаже ити
минѣ? —

ЮХИМОВСКІЙ.

Вышій на дорожку! да не забудь похлопо-
тать объ обѣщаніи Шляхетцкомъ!

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Рахлій Даниловичъ! (*Выпилъ рюм-
ку и откланялся Секретарю*).

(*Уходитъ.*)

КОЛЛЕНЪ.

Шозъ Domine? Eamus!

ЮХИМОВСКІЙ.

Тенъ часъ, тенъ часъ! . . . (*Къ служанкѣ.*)
Марино! гляды, якъ мы вындемъ изъ дому;
то уברי въ свѣтлицѣ! (*Къ коллену*). Rogamus
Domine Метръ на дорожку.

КОЛЛЕНЬ. (*Зап'яв съ притоптованіємъ.*)

Не пій хоню-фоти,
На піеше пива;
Въ тамъ тей-то шторони,
Гдзѣ Паниа Фродлифа!
Трамъ—тамъ—тамъ! 2.

ЮХИМОВСКІЙ.

Такъ есть. такъ есть! Барзо вродлива Паниа Вьяра!— (*Пюхаетъ табакъ и потчиваетъ Коллена*). Затшимаемъ пане Метръ контрибуціи! . . . — *Ачхи!* . . . — Барзо слична! . . . — *Ачхи!* . . . — Domine Метръ! bibemus на дорожку!

КОЛЛЕНЬ.

Valde bene! (*чокаются рюмками съ водкою и пьютъ*). Хозьмо пане Юхимовскій!

ЮХИМОВСКІЙ.

Хозьмо, Хозьмо Мусье Коллень! (*къ служанкѣ*). Гляди жѣ Марино дома!

МАРИНА.

А якъ хто приіде,—то якъ сказаты Паночку?

ЮХИМОВСКІЙ.

Ну, скажи, що пана нема дома!

МАРИНО.

Чую Паночку! А . . . а? . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Гляды господы! — *(Къ Коллену)*. Хозьмо
Мусье Метръ! —

(собрались и уходятъ).

*(При чемъ у дверей Юхимовскій запль съ
Колленомъ).*

Распрекраси́йши поля,

Вы плывлете меня!

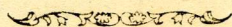
Тра—та и проч.

*(А служанка, проводивши хозяина и Метра
за двери, стала убирать въ покояхъ.—)*

ФАКТЪ 2.

ЭТОТЪ ФАКТЪ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ДОМѢ ВДОВЫ
БЫВШАГО КВАРТАЛЬНАГО ЕВСТРАТА ПАВЛОВИЧА
ТУПТАЛОВА.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Было утро. Въ гостиной за пальцами сидѣла у окошка воспитанница Тупталова, Вѣра Петровна Горенкова. Подлѣ другою окошка штопала чулки едова Тупталова, Гликерія Абросимовна.

НАНИ ТУПТАЛОВА. (Пѣла про себя.)

Ты погибель мою встроилъ,
Тѣмъ доволенъ злой тиранъ;
Что лишилъ меня покою,
Совершилъ свой злой обманъ. 2.

Я виновна, что сказала
Рано о любви своей,
Рано слабость показала
Не зная вѣрности твоей. 2.

(Подъ конецъ сего пункта слышенъ звонъ колоколовъ.)

Какой нынче праздникъ? . . . — *(Зоветъ горничную.)* Марушко, Марушко? *(Входитъ горничная.)*

МАРУШКА.

Чего изволите Пани!

ТУПТАЛОВА.

Ты дѣла своего и не знаешь. Что ты пилъ съ мебели не постыраешь? Какой нынче праздникъ?

МАРУШКА.

Домаха чула на базарѣ, що сего дия Царскій день. — *(Взяла полотенце и начала вытирать мебель и окошки.)*

ТУПТАЛОВА.

А . . . а! . . . Такъ вотъ какъ? . . . — Елибѣ

былъ живъ Евстратъ Павловичъ , другоебъ дѣло было -- : пришлибъ съ поздравленіемъ Члены и Служащіе! . . . А теперича ? . . . --
(Вздохнула.) Охъ! жизнь сиротская! . . . --
(Къ воспитанницѣ.) Вѣрочка! Долго ли ты будешь упрямиться и капризничать? --

ВѢРА.

Какъ же я маминька капризничаю?

ТУПТАЛОВА.

Какъ бачь она капризничаетъ ? -- Рахлій Даниловичъ дѣлаетъ ей честь , а она дура и не глядитъ. Да знаешь ли ты? Имѣй онѣ резонабельныя виды на панну Бычинскую, али Свищицкую, али на любую Панну въ городѣ; онѣ бъ не упустилибъ эвтого.... Шутка буты Секретаршею! . . . Въ почетѣ и уваженіи отъ всѣхъ въ городѣ! . . . --

ВѢРА.

Когда Вамъ кажется это--; такъ ему лучшебъ Вамъ маминька сдѣлать предложеніе . . . --

ТУПТАЛОВА.

Глупая ты!... Не понимаешь ничего!...
(*Помолчавъ не много, со вдохомъ запыла про себя.*)

Ахъ, ушли мои лѣта,
Какъ выхоръ съ круга, съ слѣда;
bis. { Только во снѣ мнѣ здалось,
 { Какъ на свѣтѣ прожилося!

МАРУШКА.

Чы прикажете Пани выгладить платье?

ТУПТАЛОВА. (*Въ сердцахъ:*)

А ты ище и не гладила? . . . — Ахъ ты
негодница! . . . — Что жъ ты робила цѣ-
лый ранокъ? . . . — Ну, если кто не будь
зайдетъ! . . . — Чтобъ сей часъ было го-
тово. . . . — Слышишь! —

(*Горничная уходитъ.*)

(*Къ воспитанницѣ.*) А ты Вѣра чего гля-
дишь за бестіями? А! . . . — Еще бачь и
амбичитца передъ Рахліемъ Даниловичемъ!...
и противъ городскихъ Панишъ! . . . —

ВЪРА.

Какъ же я противъ ихъ амбичусь? . . . —
А что онѣ мнѣ не подѣ пару; такъ право
маминька, я невиновата: — имъ слишкомъ—
годовъ. . . А мнѣ только 16-ть. —

ТУПТАЛОВА.

Да наплевать на твоихъ 16-ть лѣтъ. Ты
што? — Сирота; а онѣ имѣютъ состояніе и
родителей статечныхъ Шляхтичей. —

ВЪРА. (*Сквозь слезы:*)

То-то и горе мое! Еслибъ живъ былъ тя-
тинька, ябъ и не глядѣла на этого гадкаго
горбуна старичишку! . . . — Отъ него такъ
и пахнетъ нюхательнымъ табакомъ, какъ отъ
жидовской табачной лавочки. А заговорить—
все какою — то Лацинщиною, что его ни-
кто и не понимаетъ. . . . Да и самъ себя
онъ не разберетъ. . . . —

ТУПТАЛОВА.

Молчать! — Умна слишкомъ. Дѣвчонкѣ и
нелѣдъ знать такъ много. Слышишь! —

ВЪРА.

Чѣмъ же я такъ умствую? — Я только то говорю, что бывало часто говорить и тятинька.

ТУПТАЛОВА.

Отвяжись ты съ своимъ тятинькой! Нѣтъ чего сказывать, умница былъ. Жилъ въ городѣ слишкомъ 10-ть лѣтъ—, а что приобрѣлъ? Еслибъ не я—, такъ небыло бы чѣмъ и помянуть.

ВЪРА.

Грѣхъ Вамъ, маминька, поминать такъ покойника! Что жъ дѣлать, что лишняго Вы маминька богатства не имѣете. Вѣрно, чего нельзя, того нельзя. За то по немъ и Васъ, маминька, поважають!

ТУПТАЛОВА.

Да што такъ умничаешь? Много ты знаешь. Гдѣжъ мнѣ имѣть такой достатокъ, какъ Рахлій Даниловичъ? Единственный человѣкъ! Умѣлъ нажить себѣ достатокъ и при Секретарской должности; а што, какъ бы онъ былъ на мѣстѣ покойника — не тобъ бы—

ло! — Отъ того, что дѣловой
Ктобъ 30-ть лѣтъ былъ Секретаремъ?

ВЪРА.

И обманывалъ своею ученостію Бурми-
стровъ и Ратмановъ, и не поплачивался съ
Губернскимъ Правленіемъ. . . —

ТУПТАЛОВА.

Да гдѣ ты набралась такихъ мудростей?—
Чай сорванецъ Невельскій натолековалъ? А!
Безстыдница, меньше бы ты говорила? Ди-
ковинка, яйца больше куръ знаютъ.

ВЪРА.

Я то говорю, что и люди. Богъ знаетъ,
на что Вы, маминька, сердитесь. Невельскій
конечно бѣдный человѣкъ, какъ и я. —

ТУПТАЛОВА.

Много васъ годованцевъ за чужимъ хлѣ-
бомъ умѣютъ толковать. . . . — Былибъ ра-
ды, что ихъ. . . . —

ВЪРА.

Кажется маминька, Вамъ Невельскій не обтопталъ пороговъ? Такъ — такъ, какъ мусье Метръ Колень? . . . —

ТУПТАЛОВА. *(Вскочила съ зло-
стью съ мѣста и
блѣлая по комна-
тѣ:)*

— Ахъ ты безстыдная дѣвчонка! — Не благодарная! . . . Да знаешь ли ты, што я могу тебя выгнать изъ дому? . . . А! . . . А? . . . — *(Уходитъ)* — Инъ бишь, согрѣй змѣю за пазухою. . . . —

(Слышенъ шумъ въ кухню.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВЪРА. *(Осталась одна и пла-
четъ:)*

— Боже мой, Боже мой милостивый! — Несчастье быть спротою! — А еще несчастнѣе кормиться чужимъ хлѣбомъ! — Того и гляди, что вытолкають вонъ изъ дому, какъ не кстати что-либо скажешь. . . *(Ути-*

раетъ слезы платкомъ.) Правда, этогобъ не было, еслибъ жилъ Евстратъ Павловичъ? — Вѣрно такъ Богу угодно, чтобъ все горе и несчастье испытать мнѣ бѣдной. — Ахъ, Боже мой! Что я? . . . Кто я? . . . Не подкидывъ ли? — Чтобъ подъ чужими воротами уличать грѣхи родителей. . . . Не могу придумать. — Для чего меня взялъ къ себѣ Евстратъ Павловичъ? . . . — И гдѣ онъ меня взялъ? — Тяжело не знать ничего о себѣ. — Правда, грѣхъ жаловаться на покойника. Онъ любилъ меня, какъ родной отецъ... Говорилъ, что зналъ моихъ родителей. . . — Но кто они? — Гдѣ они? . . . — Ахъ маминька, маминька! — Въ мои лѣта — и быть безъ призору. . . — Что со мной будетъ? — Этотъ еще старичишка. . . . — Могу ли быть ему женою? — Впору мнѣ быть у его внучкой? . . . — Его только не доставало. . . — Ахъ люди, люди! — Рано вы мнѣ даете себя знать! . . . —

(Плачетъ, облокотившись на пальцы.)

ЯВЛЕНИЕ 3.

Въ эту пору входитъ Александръ Ивановичъ

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Здравствуйте Вѣра Петровна!

ВѢРА. (Утирая слезы.)

А, здравствуете Александръ Ивановичъ.

НЕВЕЛЬСКІЙ. (Подходитъ къ ручкѣ.)

Объ чемъ Вы, Вѣрочка, плачете?

ВѢРА.

Такъ — взгрустнулось. — Вспомнила покойнаго тятиньку. . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

А живаго — чтожъ не вспоминаете? — Да объ чемъ ваша матушка тамъ шумитъ въ кухнѣ? Что она сегодня не вдухъ? . . . —

ВѢРА.

Да, быть можетъ, не множко недовольна.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

На что? — да отъ чего это? —

ВЪРА.

Ахъ Саша, Саша! бѣда не подстать вспо-
минать мертвыхъ — и живыхъ. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

А, а! — понимаю . . . — Съ чего жъ у
васъ началось?

ВЪРА.

Съ Рахлія Даниловича. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ? — этотъ негодный и глупый ста-
ричишка и къ вамъ замѣшался. — Развѣ
мало Коллена? —

ВЪРА.

Нѣтъ, нѣтъ! — маминька приступаетъ ко
мнѣ, чтобъ я была непременно женою Рах-
лія Даниловича — и Секретаршею. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Да ему скорѣе можетъ быть могила Секре-

таршею! — (*Прошелся по комнатѣ*). Боже мой, не довольно того, что удерживаетъ мое трудовое жалованьишко; еще бишь надобно и тутъ —

(*Ходитъ по комнатѣ.*)

ВЪРА.

Что жъ дѣлать Саша?

НЕВЕЛЬСКІЙ. (*Взявши за руку Вѣру:*)

А вотъ что Вѣрочка! — Я получилъ письмо отъ бывшаго Столоначальника въ Губернскомъ Правленіи: — онъ просится сюда въ городъ Квартальнымъ; такъ онъ намъ поможетъ. —

ВЪРА.

Дай Богъ! — (*Съ удовольствіемъ.*) Скоро ли, Саша, это будетъ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Надѣюсь, что скоро — Его Начальство любитъ — ; а онъ мнѣ, какъ родной братъ . . — Между тѣмъ, я пойду, Вѣрочка, маминьку вашу угомоню!

З.

ВЪРА.

Да, да! ступайте Саша! — Вы съ нею умѣете обходиться. —

(Невельскій уходитъ. —
А Вѣра Петровна стала шить въ пальцахъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Спустя четверть часа, а можетъ быть и больше, являются Тупталова въ веселомъ расположении и Невельскій.

ТУПТАЛОВА. (Въ парадномъ платьѣ.)

Проказникъ вы, Александръ Ивановичъ.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ей Богу, Гликерія Абросимовна, никто не скажетъ, чтобъ Вамъ не было 20-ти лѣтъ; особенно въ этомъ платьѣ—Вы очень молодыя кажетесь.

ТУПТАЛОВА.

Ну, полно пане Невельскій! (Съ удово-
лствіемъ высматривается въ зеркало.) А что,

не слыхали ли вы, Александръ Ивановичъ,
чего новенькаго въ городѣ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ же Гликерія Абросимовна.

ТУПТАЛОВА. *(Съ любопытствомъ.)*

А нуте-ка што? *(Садится.)*

НЕВЕЛЬСКІЙ.

На дняхъ наши паничи: Ясь Бычинскій,
Вицентій Свинцицкій, Бонифацій и Казимиръ
Тшимаевскіе увели у скряги Штабеля коро-
ву; чтобъ попить у Доротей Шнапшин-
ской съ паннами—на счетъ выручки.

ТУПТАЛОВА.

Ай, ай! какая конфузія! -- Штожь Шта-
бель?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Тотчасъ за позовъ. Да на бѣду его, тутъ
замѣшана его Шнапшинская -- и кажется,
долженъ былъ помириться? А дѣло пошло
слѣдственнымъ порядкомъ . . . —

ТУПТАЛОВА.

Вотъ, какъ бы живъ былъ Естратъ Павловичъ мой — порядочный бы кушикъ достался! — А то, навѣрно Рахлій Даниловичъ поживився? . . .

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Съ примасою.)*

Я думаю. —

ТУПТАЛОВА. *(Со вздохомъ.)*

Охъ, бѣда жить въ сиротствѣ и вдовствѣ.

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Подражая ей.)*

Да, конечно, Гликерія Абросимовна?

(Нѣсколько времени молчаніе. Въ это время, отъ чувствительности Тупталова всплакнула, вспомнивъ про житье свое.)

ТУПТАЛОВА.

Александръ Ивановичъ! возьмите гитару, заиграйте что-нибудь и вспойте пѣсеньку?—Я люблю, какъ бывало при покойникѣ играешь и поешь.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Извольте Гликерія Абросимовна! (*Беретъ гитару и настраиваетъ.*) — Что жъ прикажете?

ТУПТАЛОВА.

Да что не будь-этакое-хорошенькое. . —
(*Дѣлаетъ знакъ.*)

НЕВГЛЬСКІЙ. (*играетъ и поетъ:*)

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ:
Стоять, растеть высокій дубъ, въ могучей
красотѣ!

Ни сосонки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики раkitовы не выются вокругъ его.
Ахъ, скучно одинокому и дереву расти!
Ахъ горько, горько молодцу безъ милой
жизнь вести!

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми—поклонъ, да
былъ таковъ!

Встрѣчаюсь ли съ пригожими—поклонъ да
пару словъ!

Однихъ я самъ чуждаюсь—другой бѣжить
меня;

Всеѣ други, всеѣ пріатели до чернаго лишь
— дня. —

(*Въ продолженіи пѣсти, Тупталова, Вѣра и*

Невельскій, были въ разныхъ расположеніяхъ чувствъ.)

ТУПТАЛОВА.

Нравится мнѣ эвта пѣсня; но ужь больнѣ печальна. Я всегда заплачу . . . —

(Третъ платкомъ глаза.)

Мнѣ лучше кажется: «взвѣйся выше понесися . . .» — — Представьте себѣ Александръ Ивановичъ, мы съ Вѣрочкой не много посо-
рились! . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Объ чемъ это Гликерія Абросимовна?

ТУПТАЛОВА.

Я ее люблю и всегда забочусь, какъ объ своемъ родномъ дитяти; а она глупенькая все только капризничаетъ и . . . —

ВѢРА *(Съ упрямомъ.)*

Чѣмъ же я, маминька, капризничаю?

ТУПТАЛОВА.

Ну, ну! чѣмъ . . . — Помнишь Вѣрочка? бывало покойный Евстратъ Павловичъ, ты бачъ такая была съ малолѣтства шалунья, станетъ мнѣ объ этомъ говорить—; я всегда бывало уговариваю его, чтобъ съ дитятей строго не обходиться.—Помнишь ли?. . . —

ВѢРА *(Покачала съ сомнѣніемъ головою и вздохнула)*

Да, маминька?

ТУПТАЛОВА.

Ну, да! штожь, чы тожь и не правда?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Не угодно ль Гликерія Абросимовна! я Вашу любимую запою?—и Вѣра Петровна мнѣ пособлютъ?

ТУПТАЛОВА.

Хорошо, очень—но хорошо Александръ Ивановичъ.—

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Началъ пѣть съ аккомпаниментомъ гитары. Впра, желая угодить маминькѣ, подпѣвала тоже:)*

Взвѣйся, выше понесися,
Сизо-крылый голубокъ!
На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькой дружокъ.

Ты скажи, какъ сердце поетъ,
Сердце вѣрное ему;
То забьется, то застонетъ,
Хочетъ улѣтѣть къ нему.

У кусточка, гдѣ любезной
Меня страстно цѣловалъ,
Я тамъ лю теперъ токъ слезной
И кусточекъ тотъ завялъ.

Ахъ! не медля ни минуты,
Ко мнѣ милый прилети!
И прервавъ напасти люты,
Ты въ веселье преврати.

Все тогда переродится —
Печаль въ радость, слезы въ смѣхъ!
Когда милой воротится.
Я счастливѣй буду всѣхъ. —

ЯВЛЕНІЕ 5.

*Подъ конецъ пьесы, входятъ въ гостиную:
Секретарь Ююхимовскій, въ полномъ формен-
номъ костюмъ и метръ Колленъ.*

ЮХИМОВСКІЙ.

Мое всенижайшее высокопочитаніе Глике-
рія Абросимовна!

(Подходитъ къ ручкѣ.)

ТУПТАЛОВА.

А, здравствуйте Рахлій Даниловичъ!

КОЛЛЕНЪ.

Мой bon jour Фамъ мадамъ Глицерія!

(Подходитъ къ ручкѣ.)

ТУПТАЛОВА.

И Вамъ Францъ Викентіевичъ желаю то-
гоже!

(Потомъ подходятъ къ ручкѣ Вирочки.)

ЮХИМОВСКІЙ.

Распрекраснѣйшая панна Вьяра! съ высоко-
почитаніемъ цѣлую Ваши ренки.

КОЛЛЕНЪ.

И мое Фамъ поштеніе Мадмуазель Fides!

(Вьяра дѣлаетъ имъ книксенъ.)

ТУПТАЛОВА.

Прошу покорно Панове садиться!

ЮХИМОВСКІЙ. (Усаживаясь съ Кол-
леномъ:)

Имѣя къ Вамъ Гликерія Абросимовна по
прежнему reverendissimum, я совмѣстно съ Мет-
ромъ пришелъ поздравить Васъ съ табель-
нымъ днемъ. Конечно такъ южъ опредѣлено:
«Комуждо дань-дань, а кому честь-честь.»—

КОЛЛЕНЪ.

Такъ есть, такъ есть! Vere dicavit!—

ТУПТАЛОВА.

Покорнѣйше Васъ благодарю Рахлій Дани-
ловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ. (*Обращаясь къ Невельскому.*)

А, пане Невельскій, и вы тутай обрѣтаетесь?

(*Нюхаетъ съ растановкою табакъ.*)

НЕВЕЛЬСКІЙ, (*Съ усмѣшкою.*)

Такъ точно Рахлій Даниловичъ.

ТУПТАЛОВА.

Мы здѣсь прекрасно проводили время.

ЮХИМОВСКІЙ.

Я и самъ люблю подциввыхъ молодыхъ людей, кеди они заслуживаютъ benevolentiam Высокопочтенѣйшихъ Дамъ. (*Въ сторону.*) Ego sum bonus homo. (*Обращаясь къ Невельскому.*)
Одначе вы пане Невельскій, не ладне дѣлаете, же-то не присутствуете на молебствіи въ табельный день. Отъ сего можетъ пострадать ваша репутація передъ Начальствомъ. —
(*Посчелкалъ по табакеркѣ и понюхалъ табаку*)

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Что мнѣ въ ней

ЮХИМОВСКІЙ.

Одначе . . . — за тоlikое дѣйствіе бывало арестъ налагають конечно, я добрый человѣкъ! *(Сталъ опять нюхать табакъ и попотчивалъ Коллена.)*

ТУПТАЛОВА.

Ну, ужъ Вы, Рахлій Даниловичъ . . . —

КОЛЛЕНЪ. *(Нюхая табакъ.)*

Нашъ шлыхалемъ, шо у Фасъ пѣли.
Polonia dicuntur: » шпѣаць дарме, полицъ гарме. » —

ТУПТАЛОВА.

Сію минуту! *(Къ воспитанницѣ.)* Вѣрочка!
Вели тамъ Марушкѣ приготовить на столъ водку и закуску! да сварь намъ кофе!

ВѢРА.

Извольте маминька!

(Уходитъ.)

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Собравшись ити:)*

Прощайте Гликерія Абросимовна!

ТУПТАЛОВА.

Кудажъ вы, Александръ Ивановичъ? —
Останьтесь кофію покушать!

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Нѣтъ! покорно благодарю Гликерія Абросимовна! мнѣ надобно быть дома.—

(Подошелъ къ рукѣ.—) Тожѣ уходитъ.

КОЛЛЕНЪ.

Veni a diabolum.

ЮХИМОВСКІЙ. *(Съ усмѣшкою.)*

Valde bene dicavit Domine Metr.—

ТУПАЛОВА.

Охъ Вы ученые!

КОЛЛЕНЪ. *(Взявши руку у Тупталовой и поцѣловалъ.)*

Такъ Мадамъ Глицерія! «Doctrina est lux
humanae vitæ!»

ЮХИМОВСКІЙ.

Гликерія Абросимовна! Какое теченіе дѣла относительно панны Вѣры?

ТУПТАЛОВА.

Ни сколько не подается. . . — Невельскій сказывалъ, вѣрно и ей сообщилъ, что сюда онъ въ Квартальные ожидаетъ своего знакомаго. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Либо будетъ, либо нѣту. А Вы Гликерія Абросимовна, по моей всенижайшей просьбѣ, (*Цѣлуетъ ей руку.*) такъ поудержите панну Вѣру, (*Показываетъ руками.*) доколѣ я произведу свою штукенцію. Даже подобаешь сказаты: что она незаконнорожденная; что она добыта Евстратомъ Павловичемъ отъ жидовки, и что, еслии объявиться, должна будетъ на поселеніе пойти, и — и. . . прочая, какъ знаете. — А то, все мое богатство, когда соблаговолитъ —, будетъ наслѣдствомъ. Мой вѣкъ недолголѣтенъ. (*Понюхалъ табаку и сталъ чихать.*) Ахи, ахи, ахи!

КОЛЛЕНЪ.

Salutem dico Domine!

ТУПТАЛОВА.

Доброго здравія Рахлій Даниловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Почтѣловавъ руку
Тупталовой.)*

Всепокорнѣйше Васъ благодарствую Гли-
керія Абросимовна! —

КОЛЛЕНЪ.

Еше панъ Юхимовскій веле прошіе. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Da mihi Domine Iesu Christi! *(Цѣлуя руки
Тупталовой.)* Гликерія Абросимовна! Естли
учиниться наше дѣло, якъ Пана Бога кохамъ,
буду Васъ почитаты и уважаты, какъ все-
дражайшую маминьку! Что повелите: шляпки,
шали и прочая у Васъ будетъ! —

ТУПТАЛОВА. *(Съ удовольствіемъ.)*

Хорошо, хорошо Рахлій Даниловичъ!

4.

КОЛЛЕНЬ.

Латне пане Юхимовскій, мі amice! И мой
туть своя ратунекъ пшикладне!

ЮХИМОВСКІЙ.

А за те оказіє, потшимаемсе пане Метрѣ
за ренки и зажіємъ контрибуціи. *(Берутся
за руки и нюхаютъ табакъ.)*

(Въ это время входитъ горничная съ докладомъ къ Тупталовой.)

МАРУШКА.

Пани! — Готова на столѣ закуска.

ТУПТАЛОВА.

А кофе Вѣрочка приготвила?

МАРУШКА.

Готово и кофе.

ТУПТАЛОВА. *(Всѣмъ и обраща-
ясь къ Юхимовскому
и Коллену:)*

Прошу покорно Рахлій Даниловичъ! Францъ
Викентіевичъ! *(Къ горничной.)* А ты Маруш-

ко скажи Домахъ, али Охриму, штобъ не пропускали никого! Што нѣту Пани дома! Слышишь?

МАРУШКА.

Слухаю Пани.

ТУНТАЛОВА.

Пожалуйтежъ Панове!

(При чемъ подала руку Юхимовскому, а Колленъ за ними.)

Уходятъ въ столовую
завтракать—есть трое.—

А юрничая пошла на кухню исполнить
приказаніе Барыни.—

